

14. Тульчинский Г.Л. Апофатизм (апофатика): сайт. URL: <http://hpsy.ru/public/x3010.htm>

15. Тульчинский Г.Л. Лиминальность: «глубокая» семиотика и самоопределение // Семиозис и культура. Философия и антропология разрыва (текст, сознание, код): сборник научных статей / под ред. И.Е. Фадеевой, В.А. Сулимова. Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. Выпуск 6. С. 16–28.

16. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

17. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: сайт. URL: <http://ushdict.narod.ru/219/w65867.htm>

18. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура: монография. М.: Академический Проект, 2007.

19. Шкловский В.Б. Искусство как прием: сайт. URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html>

20. Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна: сайт. URL: <http://www.philosophy.ru/library/epstein/epsht.html>

УДК 008

О.О. Чуб

Культурно-антропологические факторы модернизационных трансформаций в новейшей России (к постановке проблемы)

В статье рассматриваются культурно-антропологические основы социокультурных трансформаций в российском обществе 20 века. Особый акцент сделан на осмыслении роли демократических реформ 90-х гг. в череде российских модернизационных проектов. Автором осмысляется исследовательский опыт культурологов Лоуренса Харрисона и Мариано Грондона, который экстраполируется на современную Россию; анализируются ценности и установки русской культуры, препятствующие модернизации, прогрессу и демократизации в России.

Ключевые слова: модернизация, культурная антропология, либеральные реформы, социокультурная трансформация, семиотический подход, прогрессоёмкость культуры.

In article processes of cultural-historical transformations in the Russian society of 20 centuries are analyzed. The special accent is made on democratic reforms of 90th by an analysis Basis the cultural-anthropological method is. The author makes use of experience of Lourentsa Harrisona and Mariano Grondona and extrapolates it to modern Russia; analyzes the values of Russian culture interfering modernization, progress and democracy in Russia.

Как известно, в последние годы одним из ключевых концептов российской политической культуры стала модернизация. Актуализация настоящего концепта связана с провозглашением руководством страны социально-политического курса, основанного на декларируемом использовании потенций модернизации в инструментальной сфере, применении ее достижений в области технологий, инновационного развития, частично в сфере экономики. Подобное «узкое» понимание модернизации довольно долго определяло идеологический мейнстрим экспертов и управленческих элит (вспомним, к примеру, многочисленные заявления А.Б. Чубайса о доминировании технологических аспектов модернизации над социокультурными). Однако в последний год «модернизационный тренд» заметно изменился. «Точкой бифуркации» стало обнародование докладов «Образ желаемого завтра» и «Обретение будущего», написанных коллективом Института современного развития (общественный совет которого возглавляет, напомним, Д.А. Медведев). В рамках докладов под провозглашенный модернизационный проект были подведены гуманитарные основания, в результате чего авторы пришли к выводу, что залогом успеха запланированной модернизации является возвращение к социокультурным, политическим, экономическим, правовым и др. основаниям 1990-х гг., ставшим некой точкой отсчета очередной пореформенной эпохи (к чему мы вернемся ниже).

В частности, в докладе ИНСОРа сформулирован своего рода рецепт либеральной модернизации: «паразитарно-распределительные ценности замещаются творчески-производительными. Это ставит свободу над властью, народ над государством». Меняется и содержание понятие «народ», который, наконец, должен перестать восприниматься по-архаически как общность, как единый коммуитарный организм, как некое «большое тело». По мнению руководителей института, наиболее ценными качествами человеческого капитала должны стать «самостоятельность в делах и независимость во взглядах, способность к рефлексии и рациональность, неприятие патернализма, динамика и мобильность» [4].

Настоящая – в целом позитивная – динамика осмысления проблемы при этом носит, на наш взгляд, половинчатый характер, поскольку по-прежнему не затрагивает глубинных культурно-антропологических факторов, детерминирующих директорию протекания модернизационных процессов, в то время как последние были давно изучены в западной гуманитаристике. Так, в частности, в культурной антропологии эволюция множества традиционных локальных культур рассматривалась преимущественно в двух формах: а) как линейно-стадиальная эволюция прогрессивного характера от относительно простых обществ ко все более сложным (это понимание коррелирует с классическим пони-

манием модернизационных процессов) и б) как многолинейное развитие различных типов культур [3]. Так, известный израильский специалист в области модернизационных трансформаций Шмуль Эйзенштадт полагает, что «в настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ» [9].

Генеалогически модернность восходит к западной цивилизации Нового времени, когда в различных регионах мира распространяются присущая ей институциональная среда и элементы ценностно-нормативной системы. Модернизация как процесс и модернность как ее следствие, возникнув в западном мире, в XX в. стали распространяться в глобальном масштабе. Однако в России до сих пор не сложилось понимание того, что общество модерности состоит из граждан, обладающих неотчуждаемыми правами: гражданскими, политическими и социальными. Отсутствие этого понимания создает реальную угрозу для реализации модернизационного проекта в нашей стране.

Универсальный пакет модернизационных трансформаций, характерных для XX в., рассмотрен российским культурным антропологом Э.А. Орловой. На уровне социокультурной организации общества модернизация проявляется в форме движения от индустриализма к постиндустриализму в экономической сфере, в политической как движение от авторитарных к демократическим режимам, в правовой как переход от обычного к юридическому праву. «Этим изменениям соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией» [5].

Как видим, в современной России подобные переходы либо не состоялись, либо состоялись не в полной мере. Существующий механизм поддержания внутренней стабильности российской социокультурной системы базируется на перманентном воспроизводстве имперского идеократического сознания, который, являясь историческим анахронизмом, препятствует инновационным процессам. Медиальное состояние между за-

сильем русской ментальной архаики и актуальными потребностями современной либеральной модернизации порождает социокультурный раскол, описанный в ряде работ А.С. Ахиезером и Ю.Н. Афанасьевым.

Настоящая негативная тенденция может быть осмыслена, на наш взгляд, посредством обращения к одной из крупнейших и, на наш взгляд, наиболее обоснованных концепций, высказанной американским культурологом Л. Харрисоном и дополненная аргентинским социологом М. Грондона. Не затрагивая подробно особенностей приведенной типологии культуры, отметим, что детальное изучение методики Харрисона–Грондона давало бы возможность спроецировать ее на российскую культуру; возможность выявить те психологические установки, от которых желательно избавляться, если всерьез говорить о либеральном модернизационном проекте.

Необходимо обратить внимание на существенное отличие подхода Л. Харрисона от большинства подобных концепций, которое заключается в том, что он (подход) основан не столько экономике, социологии и политике, сколько на культуре: работа Л. Харрисона «Главная истина либерализма» представляет собой итоговый отчет многолетнего исследовательского гарвардского проекта «Культура имеет значение», которым автор руководил с Сэмюэлем Хантингтоном.

Совместно с Мариано Грондона Л. Харрисоном была создана теория развития, которая опирается на группу влияющих на прогресс культурных факторов, обуславливающих «прогрессоёмкость» тех или иных культур. Напомним, что Л. Харрисон более 20 лет исследовал культуру стран Латинской Америки, пытаясь осмыслить причины столь медленного экономического и политического развития этих стран и оценить, какие ценности и установки иберийской культуры тормозят движение в сторону прогресса и экономического процветания. В результате ученый пришел к выводу, что некоторые культуры не только сопротивляются прогрессу, но буквально душат его (ученый имел в виду Гаити). Последняя мысль особенно важна для нашей страны, поскольку в российской науке до недавнего момента способность культурных ценностей и установок катализировать либо блокировать прогрессивные процессы практически не осмыслялась.

Типология Харрисона–Грондона, будучи, безусловно, революционной в социологии культуры, тем не менее нуждается в уточнении и конкретизации целого ряда моментов. Во-первых, принадлежащая им концепция фиксирует с социологической точки зрения лишь результат неких социокультурных процессов, которые остаются за пределами объяснения. Во-вторых, непроясненным оказывается сам механизм транзита социума от «низкого культурного капитала» к «высокому», который

лишь артикулируется, в то время как понимание законов этого транзита имеет безусловное практическое значение.

Однако настоящие лакуны устраняются, если рассмотреть вышеупомянутый механизм в качестве семиотического процесса культуры. Под последней, в свою очередь, мы понимаем коммуникативное пространство, в поле которого функционируют ценности и идеи, художественные образы и знания, личностные смыслы и социальные стандарты. При этом, как отмечают И.Е. Фадеева и В.А. Сулимов, «очевиден континуальный, семантически и логически не дифференцированный характер этого поля – коммуникативное пространство представляет собой не структуру, а процесс, динамика которого включает в себя означивание и десемантизацию, текстопорождные и стандартизацию» [7]. Подобная гипотеза позволяет методологически дополнить и усовершенствовать концепцию Л. Харрисона, который подчеркивал, что в последней работе «следует отделять искусство, литературу, музыку от культуры» [8]. На наш взгляд, для полного и объемного исследования проблем трансформации, напротив, необходимо рассматривать не только культуру в широком смысле (как логически связанную систему ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты поведения – личного и коллективного.), но и как совокупность текстов, в том числе и художественных, выведенных Л. Харрисоном за скобки. Причем для их анализа необходимо обращаться не только к различным историческим и структурным моделям, научным и художественным концептам, индивидуальным и социальным смыслам, фокусируя их вокруг основного обсуждаемого в данной работе понятия модернизационного потенциала культуры. В рамках данного вопроса приоритетной будет задача интерпретации процесса самовоспроизводства человека в его наиболее репрезентативных онтологических, аксиологических, когнитивных аспектах.

Подобный – семиотический – подход к модернизационным процессам позволяет сформировать и описать то промежуточное поле, которое может быть определено как картина мира или семиосфера, но, в отличие от лотмановской, «развернутая в ракурс процессуальности» [7].

В частности, это позволило бы объяснить, почему российской обществу в начале третьего тысячелетия осталось по большому счету закрытым, пользуясь классификацией К. Поппера. Стоит вспомнить, что для культуры закрытого общества характерны традиции нормативного коллективизма, выражающиеся в абсолютизме, консерватизме, тоталитаризме и коммуитаризме. Как показывают социологические опросы последнего времени, одной из популярнейших в российском обществе аксиологических доминант остается, по словам ныне покойного А.Н. Яковлева, «система антиценности – примитивнейшая идеология уравни-

тельства», являющаяся одним из основных тормозов инновационной активности населения.

Не состоялся отказ и от имперских, соборно-авторитарных, патерналистских культурных стереотипов, тоталитарной/нормативно-солидарной этики, которая исторически оказалась атомизирована намного более, чем этика западного (социально-сингуляристского) модерна, на что указывает значительно более узкий радиус доверия российского социума (типичный пример – феномен советской коммунальной квартиры). Глубокая деперсонализация – и в то же время гипертрофированный индивидуализм, не представимый в Западной Европе, – по-прежнему составляют основу парадокса русской ментальности.

Однако попытки модифицировать национальную ментальность при помощи политики механических усилий приводят, как оказалось, к обратному результату – культура успешно сопротивляется. Это видно не только на примере российского отката к авторитаризму в конце 90-х гг. прошлого века, но и в таких устойчивых традиционных культурах, как ислам – в Ираке или Афганистане. Устойчивость этих структур может сравниться только с устойчивостью экосистемы, которую радикально изменить невозможно. Для того чтобы пытаться воздействовать на такие тонкие и одновременно устойчивые наноструктуры, требуются, что очевидно, новые уровни гуманитарного знания. Так, режиссер и публицист Андрон Кончаловский в ряде последних работ выступил с обоснованием необходимости перезагрузки этической программы российского социума. Однако он же блестяще продемонстрировал в своих художественных картинах проблематичность такой перезагрузки (например, в кинофильме «Курочка Ряба», где маргинальные сельчане мечтают о такой же уборной, как в коттедже фермера-капиталиста, а у себя дома проваливаются в дощатый клозет).

Культурно-антропологическая подоплека подобного состояния российского социума легко объяснима с точки зрения законов модернизации. Так, например, У. Бек [2, с. 189] полагает, что «модернизация ведет к тройной “индивидуализации”»: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения (“аспект освобождения”), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм (“аспект разволшебствления”), и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции (“аспект контроля и реинтеграции”)).

Как мы уже отмечали выше, последняя российская модернизация не привела к подобным последствиям. С некоторой натяжкой можно утверждать, что с указанной «тройной индивидуализации» в российском

социуме коррелирует, говоря словами А.С. Ахиезера, тройной «синтез «отцовской» культурной матрицы, языческой интерпретации христианства и армейской организации жизни» [1, с. 163]. Подобная инерционная система сохраняется на уровне ментальных стереотипов, дезавуируя любые либеральные инновации – либо отторгая их, либо трансформируя до состояния релевантности системе.

Однако было бы несправедливо не упомянуть о наработках в области осмысления новейшей российской трансформации. В новейшей истории России был период, когда модернизация воспринималась в качестве социокультурного макропроцесса, имеющего под собой культурно-антропологические основания. Речь идет о 90-х гг. прошлого века, когда был накоплен богатейший научный опыт, сегодня оказавшийся невостребованным. Мы имеем в виду плодотворную деятельность Аналитического Центра при Президенте РФ. Выводы, к которым пришел, в частности, руководитель Центра А.И. Ракитов [6], и по сегодня имеют объяснительную силу. К сожалению, не нашла дальнейших разработчиков идея ученого о том, что трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, а следовательно, и радикальных изменений в матричной основе российской культуры.

Не останавливаясь подробно в рамках данной работы на анализе «опыта неудач» социокультурных реформ 90-х гг., отметим, что одна из причин этого состояла в том, что не была обоснована необходимость научно-фундаментального социально-инженерного проекта, целью которого была бы генетическая модификация культуры, нацеленная на повышение ее «прогностичности» и формирование ее адаптивности к необходимым модернизационным трансформациям. Все это привело к возвращению к тому, о чем говорил Дэвид Лэндес на конференции, организованной Всемирным банком в 2000 г.: «Существуют культуры, которые я называю “токсичными” – они калечат тех, кто держится за них». В этих условиях оказывается как никогда актуален проект санации худших активов, начавшейся в 90-е гг., но прерванной в годы экономического роста.

Перечислим лишь несколько причин этой актуальности.

Среди них на одном из первых мест находится предельно архаизированное отношение российского социума к экономике как к некому статичному неизменному резервуару, содержимое которого лишь механически перераспределяется между определенным количеством едоков (и, следовательно, экономическое процветание другого воспринимается как лишение тебя куска).

Все еще сакрализованными остаются многие общественные отношения и институты (например, Родины, Земли, Государства, Армии, Труда).

Государство не перестало быть «отцом», а народ – «семьей»; общество так и не стало полноценной конфронтационной ареной конкурирующих индивидов, а сама конкуренция представляется населению России злом, а не механизмом, придающим обществу равновесие и стабильность.

По-прежнему господствует т.н. называемая «отцовская» – патерналистская – матрица, построенная по образу положения и властных полномочий «большака» в патриархальной крестьянской семье.

Свидетельствует о нежизненности русского типа культуры и тотальная коррупция как показатель наступившей архаизации всего российского общества, ознаменовавшая собой очередной цикл обрушения отношений между людьми, по существу, в первобытность, когда такие отношения сводятся к прямому обмену и ничем, кроме натурального обмена и насилия, не регулируются.

Перечисленные маркёры предельно низкого культурного капитала современной России в принципе не коррелируют с императивом динамики модернизующегося общества. Более того, сохраняется устойчивый риск реализации проекта экстенсивной модернизации (характерный для периода ускоренной индустриализации), который в процессе перехода к постиндустриальной экономике совершенно неэффективен. Следовательно, для реализации обозначенного руководством страны курса на формирование продуцирующего инновации социокультурного пространства не обойтись без длительного, фундаментального изучения культурно-антропологических оснований модернизационных изменений.

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.

3. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГУДТ, 2010.

4. Образ желаемого завтра. М.: ИНСОП, 2010.

5. Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен. Вып. 2 (10). М., 2001. С. 7–42.

6. Ракилов А.И. Путь России: социально-философские этюды. М., 1995.

7. Сулимов В.А., Фадеева И.Е. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Философские науки. 2004. № 4. С. 28–42.

8. Харрисон Л. Главная истина либерализма. М.: Новое издательство, 2008.

9. Эйзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл.; Отд. Восточной Европы; отв. ред. П.В. Малиновский. М., 2002. Ч. 1. (Сер.: Глобальные проблемы современности).